

СТРУКТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЛМЫКОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – XIX ВВ.

Горяев М.С.

ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», Элиста, Россия (358000, Элиста, ул. Пушкина, 11), e-mail: mergengoryaev@yandex.ru

В статье рассматривается структурная эволюция повседневной жизни калмыков в последней трети XVIII - XIX вв., чья откочевка из степей Великой Монголии явилась последним Великим кочевьем в XVII в.. Со второй половины XVII в. речь уже идет об окончательном сложении калмыцкой национальности и об образовании Калмыцкого ханства на территории Российского государства. Оторванные от привычного образа жизни, территории, родственных народов, калмыки в последней трети XVIII – XIX вв. постепенно интегрируются в состав Российской империи, меняя свой быт, традиционные виды хозяйствования. Не в последнюю очередь это было связано с упразднением калмыцкой государственности, промышленным переворотом в начале XIX в. в России, переселением русского и украинского крестьянства, сокращением пастбищных территорий.

Ключевые слова: переселение, повседневная жизнь, торговля, отходничество, рыболовство, крестьяне, Калмыцкая степь, Российское государство, империя.

THE STRUCTURAL EVOLUTION OF THE KALMYK DAILY LIFE IN THE LAST THIRD OF THE XVIII – XIX CENTURIES

Goryaev M.S.

FGBOU VPO «Kalmyk state University», Elista, Russia (358000, Elista, Pushkin street, 11), e-mail: mergengoryaev@yandex.ru

The article discusses the structural evolution of the daily life of the Kalmyks in the last third of the XVIII - XIX centuries, whose moving to a new place from the steppes of Mongolia was the last Great roaming from place to place in the beginning of the XVII century. From the second half of the XVII century it can speak about the addition of the Kalmyk nationality and formation of the Kalmyk khanate on the territory of the Russian state. Separated from their habitual lifestyle, kindred nations, Kalmyks are gradually integrated into the Russian Empire, changing their way of daily life, family life and traditional methods of management. Last but not least this was connected with the abolition of the Kalmyk state, the industrial revolution, the resettlement Russian and Ukrainian peasantry, the reduction of pasturable territories.

Keywords: the Migration, the daily life, the trade, a seasonal work, the fish breeding, peasants, Kalmyk steppe, the Russian state, the Empire.

Изучение истории образования и развития Российского многонационального государства является одной из важнейших задач отечественной науки. История внутренней политики России принадлежит к числу проблем, сравнительно мало изученных в отечественной истории. Между тем, едва ли нуждается в доказательстве тот факт, что исследование различных сторон внутривнутриполитической деятельности государства имеет большое значение для понимания как его истории, так и эволюции культуры, быта, хозяйственной деятельности. Именно во внутренней политике нашли свое отражение те изменения, которые претерпевали экономика и политика Российского государства в последней трети XVIII и на протяжении всего XIX в. И именно этот период стал переломным этапом в развитии России, отмечалось это время в целом интенсивным экономическим подъемом, когда в орбиту общероссийского хозяйства втягивались те регионы, которые в

силу ряда причин не привлекали внимания русского правительства. К таким районам с полным основанием можно отнести и Калмыцкую степь.

Целью нашего исследования является изучение изменений в хозяйственной деятельности калмыков, ежедневного уклада быта в условиях кочевого образа жизни в последней трети XVIII – XIX в. Материалом для изучения послужили фонды Национального архива Республики Калмыкия. Анализ структурной эволюции уклада жизни калмыков в последней трети XVIII – XIX вв. базируется на междисциплинарных научных положениях, что позволяет рассматривать нашу проблему как многоуровневое исследование. Применяли мы в нашей работе также и ретроспективный метод.

История калмыцкого народа чрезвычайно сложна и своеобразна. Предками калмыков были западные монголы – ойраты, чья история берет начало в первых столетиях нашей эры, когда они сыграли заметную роль в истории средневековой Монголии и Центральной Азии. На рубеже XVI – начала XVII веков часть ойратов, откочевала в пределы Российского государства. В низовьях Волги, где они осели, стала зарождаться особая монголоязычная народность, получившая у соседних народов этническое название – калмыки. Оформившаяся в Центральной Азии социально-экономическая и политическая структура, культура калмыков получили новый импульс в совершенно другой географической и общественно-политической среде. Степи Нижнего Поволжья стали ареной соприкосновения двух культур. Кочевой и оседлый мир взаимообогащались и дополняли друг друга в формах хозяйствования и общественной жизни. Известные особенности развития производительных сил и производственных отношений кочевников-калмыков были связаны с тем, что Калмыцкая степь, входя в состав Российского государства, испытывала на себе воздействие не только социально-экономических порядков России, но и в определенной степени подвергалась государственной регламентации в политической, социальной, экономической, религиозной и культурной сферах.

Важным социально-экономическим процессом, проходившим в Калмыцкой степи в последней трети XVIII – XIX вв., явилось отходничество, вызванное различными причинами: ростом промышленности и транспорта в стране, предъявлявшим спрос на рабочие руки; лишением крестьянских масс средств производства. С другой стороны, этому явлению способствовали изменения, происходившие в самом крестьянском хозяйстве.

Всякий отход калмыков-рабочих из улусов строго контролировался улусными властями и производился только по увольнительным письмам владельцев и зайсангов [5]. Причины массового отхода объясняются тем обстоятельством, что для обедневших калмыков наем в работы являлся основным источником существования. Со временем основная масса отходников-калмыков становится постоянным контингентом промыслов

Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерний, хозяйств зажиточных крестьян, купцов, казаков войска Донского, на долю которых приходилась самая тяжелая работа [6]. Отходничество калмыцкого населения, безусловно, сыграло свою роль в развитии калмыцкого общества, так как оно способствовало зарождению у части населения абсолютно новых форм хозяйствования в отличие от традиционных форм. Необходимо подчеркнуть, что калмыки нанимались почти исключительно в рабочие, тогда как самостоятельной промысловой деятельностью занимались единицы.

Калмыцкая степь как один из отсталых регионов обширной Российской империи все сильнее и сильнее втягивалась в систему общероссийского рынка. Этому в значительной степени способствовало участие калмыков в работе на астраханских соляных промыслах, что способствовало росту производительных сил в Калмыкии, следовательно, и изменению социальной структуры калмыцкого общества. В силу ряда причин как внутреннего, так и внешнего порядка, новые виды деятельности калмыцкого населения получали с каждым годом все большее и большее развитие.

Следует отметить, что отходничество, произошедшее в калмыцких улусах, сыграло свою роль в развитии производительных сил на юго-востоке России, поскольку обеспечивало рабочей силой обширные астраханские рыбные промыслы. Развитие рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна имело важное экономическое значение не только для экономики Астраханского края, но и для всей Российской империи. Решающую роль в бурном развитии региона сыграло наличие изобильных соляных залежей, необходимых в рыбопромышленном производстве. Точных сведений о количестве калмыков-солеломщиков в период первой четверти XIX в. нет, однако можно предположить, что ежегодно нанималось от 300 до 900 человек [4].

Рыболовство как отрасль производственной деятельности начало распространяться среди части калмыков еще в ранний период российского этапа их истории. Калмыцкий народ не только не имел в собственности рыболовных угодий, но был фактически от них отстранен и даже не пользовался ими, тем не менее, калмыки все же являлись активными участниками астраханского рыбопромышленного производства. В начале XIX века на рыбные промыслы в год нанималось до трех тысяч калмыков-рабочих [9].

Основная масса калмыков нанималась на ватаги и рыболовные промыслы Волги, ее устьев и Каспийского моря. Некоторые работали и на дальних промыслах, находившихся за многие сотни километров от Астрахани: Эмбенские промыслы, Тарковские, Чеченские.

Кроме наемных ловцов и рабочих среди калмыков-рыболовов была и категория, для которых занятие рыболовством являлось основной формой хозяйствования. Этим промыслом занимались в основном калмыки, оставшиеся без скота и проживавшие по

берегам Волги, Кумы и в Мочагах, которые помимо всего вышеуказанного занимались и торговым рыболовством, сбывая свою продукцию в Астрахань и приезжим скупщикам. Однако самостоятельное рыболовство, как форма хозяйствования, у приволжских калмыков представляло собой лишь малую часть по сравнению с наймом их в работы. Официальной формой принятия на астраханские рыбные промыслы являлся контракт между рабочими и рыбопромышленниками, в который вносились условия работы, оплаты труда, фиксировались взаимоотношения работников с хозяином. Основным контрагентом рыбопромышленников выступали не отдельные лица, а артели, число членов которых доходило до двадцати и более. Артель состояла из равноправных членов, получавших одинаковую заработную плату за труд. При некоторых артелях были и работники низшей квалификации, не входившие в артель, оплата труда таких рабочих производилась самими артельщиками.

Контракты составлялись от имени подрядчика-калмыка, позже от имени подрядчика и членов артели, которые перечислялись поименно, при их заключении присутствовали только подрядчики. Таким образом, осуществлялся как бы заочный наем на работы, при котором хозяин выдавал подрядчику и задаточные деньги [10]. Контракт обеспечивал хозяина промыслов круговой порукой, иногда и поручительством нойона, зайсанга или бодокчи.

Подрядчики из числа калмыков играли особую роль на рыбных промыслах, поскольку именно они после заключения договора собирали артели, поставляли рыбопромышленникам рабочую силу. Подрядчик был главной фигурой и в рыболовстве, так как он являлся и неводчиком на неводных работах и фактическим распорядителем всех работ.

Развитие рыболовства как производственной деятельности у калмыков свидетельствовало об изменении основ традиционной для кочевников формы хозяйствования, повседневного уклада жизни в то время как скотоводство для многих рыболовов потеряло уже даже роль подсобного промысла.

Социально-экономические и политические сдвиги, интенсивно происходившие в центральных частях Российской империи, сказывались и на развитие ее окраин, чему способствовало переселение крестьян. Связано это, прежде всего, с хроническим малоземельем, которое с каждым годом создавало напряженность, вызванное крестьянскими волнениями, и центральное правительство надеялось, что переселение будет являться своеобразным клапаном, посредством которого можно будет избавиться от нарастающей напряженности. Процесс переселения являлся не только результатом экономического развития окраин, но и следствием финансовой и национальной политики государства. Так, например, переселение крестьян на рубеже XVIII – XIX вв. шло и из так называемых «многоземельных» губерний, что свидетельствовало о стремлении части крестьянства к более полной хозяйственной самостоятельности.

В основном жителями новых поселений на калмыцких землях были переселенцы из великорусских и украинских губерний. Это, прежде всего, крестьяне Воронежской, Тамбовской, Курской, Пензенской, Ставропольской, Екатеринославской и Таврической губерний [11].

На новом месте жительства, поселенцы, естественно, обращались к известным им видам производственной деятельности, это, в первую очередь, хлебопашество. Сеяли они в основном те же культуры, что и на прежних местах жительства: озимые, рожь и пшеницу, яровую пшеницу, иногда овес, лен, коноплю. Несмотря на неблагоприятные природно-климатические условия, засуху и саранчу, крестьяне в каждом селении засеивали не менее 400-500 десятин [8]. Появились сады и огороды, крестьяне сажали лук, капусту, картофель, подсолнечник. Развивались скотоводческие промыслы. Сельская промышленность была представлена в основном кузницами, которые были почти в каждом селении, маслобойками и мельницами. Широкое распространение получили извоз и чумачество.

Заселение Калмыцкой степи крестьянами, с одной стороны, приводило к сокращению калмыцкого земельного фонда, к расхищению его новыми переселенцами. С другой, появление здесь переселенцев имело и прогрессивное значение, так как результатом данного процесса являлся подъем производительных сил калмыцкого народа, проникновение в его среду новых хозяйственных методов, устанавливались более тесные экономические и культурные связи.

Важным фактором экономических отношений между калмыками и Русским государством являлось установление торговых отношений, зарождение которых относится, очевидно, еще к концу XVI в. Уже к началу XVII в. установление обменных отношений калмыков с сибирскими городами становится вполне реальным фактом, поскольку русское правительство поощряло торговлю с калмыками, имея целью привлечение и стабилизацию их положения на юго-восточных окраинах Российской империи. Несмотря на то, что экономический фактор играл не последнюю роль в укреплении торговых отношений, в период XVII – первой половине XVIII в. политические интересы выдвигались на первый план.

С последней трети XVIII в. русское правительство в большей мере было заинтересовано в определении статуса русских купцов, торговавших с калмыками. По отношению к ним продолжалась правительственная линия, утверждающая беспопытный характер торговли для калмыков. Торговля в калмыцких улусах во многом зависела от состояния общегубернской торговли, поскольку представляла собой ее составную часть. Рост товарного обращения на окраинах империи в условиях малочисленности населения и отсутствия постоянных мест торговли происходил в старой форме – в виде ярмарочного

торга. Рост ярмарок свидетельствовал о быстрой и неуклонной товаризации сельского хозяйства. Втягиваясь в сферу всероссийского, а затем и мирового рынка, юго-восток России становился устойчивым поставщиком товаров для многих промышленных центров России, а Астрахань превращалась в один из крупнейших по грузообороту портов страны [2, 7].

Важной и составной частью астраханской торговли являлась торговля с кочевниками, которая проявлялась в наиболее распространенной форме торговых отношений – торговля, типа маркитантской, сопровождавшей кочевые аймаки и владельческую ставку в их традиционных передвижениях. Эта форма торговли являлась не только наиболее распространенной, но и самой приемлемой для кочевников, поскольку предоставляла им максимум возможностей для удовлетворения потребностей даже самых мелких производителей, снимая с них затраты по доставке скота на рынок. К этой форме торговли была близка деятельность в Калмыцкой степи гуртовщиков и сгонщиков скота, которые зачастую являлись не только покупателями, но и продавцами различных товаров. Вместе с постоянно находившимися в улусах торгующими армянами, татарами, астраханскими мещанами они обеспечивали кочевников «все м нужным во всякое время и что весьма необходимо» [1]. Передвижение торговцев с кочевниками продолжалось по 7-8 месяцев в году, за исключением зимних ставок Эркетеневского и Икицохуровского улусов, где торговля приобрела устойчивые стационарные формы.

С развитием торговли в улусах получило распространение такое явление, как ростовщичество. Ссуды, выдаваемые мелким производителям, как правило, для уплаты податей, на погашение долгов по рыбопромысловым контрактам, для удовлетворения насущных потребностей по хозяйству, были незначительными. Необходимо подчеркнуть, что ростовщиками в улусах выступали не только посторонние лица, но и сами калмыки. В калмыцкой истории ростовщичество было известно с древних пор, так, например, можно найти упоминание о нем в Монголо-калмыцких законах 1640 года и законах Галдан-Хунтайджи [6, 3].

Развитие товарно-денежных отношений в России отражалось на торговой политике калмыцкой знати, которая выражалась в контроле за организацией торговли калмыков и до регламентации деятельности русских и других купцов в улусах. Однако прежние методы контроля становились малоэффективными, когда улусы наполнялись десятками и сотнями торговцев. Поэтому в середине XVIII в. в калмыцких улусах появляется институт «бодокчи», состоявший из базарных старост, средников и руководителей калмыков при торговле и т.д., которые выступали главными лицами при организации торговли. За свой труд бодокчи получали от купцов плату с каждой головы купленного ими скота. Первоначально они получали пошлину только с продавцов скота, то есть калмыков, реже – с покупателей скота,

но уже в начале XIX в. пошлину платит прежде всего покупатель.

Таким образом, можно констатировать, что в последней трети XVIII и практически на всем протяжении XIX в. калмыцкое общество переживает изменения экономического характера – происходят изменения в традиционных формах хозяйствования и ежедневном укладе жизни. В дальнейшем это привело к интеграции Калмыцкой степи в общественно-экономическую систему Российской империи.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-11-08001 «Повседневная жизнь кочевников-калмыков: от номадизма к оседлости»

Список литературы

1. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. – 1848. – Т. 49. – С. 10.
2. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, вероисповеданий и прочих достопамятностей. В IV ч. – Ч. IV: О народах монгольских. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. – 315 с.
3. Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – Спб., 1834. – С. 127-128.
4. Карагодин А.И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в. – Запорожье, 1988. – С. 124.
5. Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий и ойратский устав взысканий (Цааджинъ-Бичик). – Одесса, 1879. – С. 32.
6. Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. – СПб., 1837. – С. 181.
7. Немирович-Данченко В.И. По Волге. – СПб., 1877. – С. 335-338.
8. Толбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XIX в. – Алма-Ата, 1971. – С. 66-68.
9. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 143.
10. НА РК. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 15.
11. НА РК. – Ф. 34. – Оп. 2. – Д. 56. – Л. 78.

Рецензенты:

Команджаев А.Н., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста;

Батмаев М.М., д.и.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»,
г. Элиста.